

18+

«...Люди как птицы земные.
Люди как ветер...»

Хамархан
Хамтай
Александр

Хамархан Александр

Воспоминания старого шамана. Синкэн

<https://litres.ru/74142943>

ISBN 9785006706743

Аннотация

Синкэн — книга о кочевом шамане из древнего эвенкийского рода. В ней есть радость и печаль, приключения и юмор, стремление героев к достойной жизни. Книга показывает, как герои попадают в трудные ситуации, как выпутываются из них. Раскрывает связь человека с природой, с её негласными законами. Эта книга о лесных историях, о духах и стихиях, реальных для одних людей и нереальных для других. Новый роман, из серии «Воспоминания старого шамана», продолжает истории шамана Милхая, его сына и внука.

Содержание

Введение	8
Кочевой народ. Птицы Земные	12
Разыгрался ветер	14
Мама медведица	17
Время прошло...	20
Мишка, Тишка и Маша	22
Рассказ мамы-медведицы	24
На высоком уступе	31
В гостях у дедушки Топтуна	34
Енот-летописец	37
Сорока-переводчица	41
Случай у реки	47
Глава 1. Синкэн	55
Незримые гости	59
Общение	66
Олени	70
Человек возвращается	73
Синкэнов дед	75
Свой человек и чужой	77
История деда Синкэна	80
Глава 2. Родина моя...	91
Душа Природы	94
Люди особые	96

Хашханьк, зутран, урмэ и орёмог
Конец ознакомительного фрагмента.

98
100

Воспоминания старого шамана. Синкэн

Хамархан Хамтай
Александр

Иллюстратор Юлия Хрущева

© Хамархан Хамтай Александр, 2026

© Юлия Хрущева, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0067-0674-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воспоминания старого Шамана.

Синкэн

«...И ушёл кочевой Шаман со своим племенем в большую кочёвку. Туда, где ветер степной гуляет, и где олени на себе грузы возят. Туда, где ручьи шумят и реки текут. Где высокие горы сверху вниз на людей смотрят, и где туманы утренние на эти горы ложатся и закрывают собой их головы — высокие снежные макушки...»

Введение

Дорогой читатель!

Книга, которую вы держите в руках, — это продолжение серии романов о Сибирском народе. Вернее, о двух народах, чьими представителями являются полюбившиеся вам герои из романов «Путь волка», «Молодое поколение» и «Дух кочевой», а также из романа «Модорхон». — Самые простые и обычные истины. Есть в ней радость и печаль, приключения главных героев и немножко юмора. Есть в ней стремление к жизни, жизни лучшей и достойной. Достойной наших дедушек и бабушек, наших далеких предков. Истина глубинная, на уровне интуиции, на уровне древних знаний. Эта книга для людей ищущих, и тех, кто стремится к своему развитию. Для тех, кого беспокоит судьба их Рода, их детей и внуков.

Книга показывает, на примерах героев, как они поступают в разных ситуациях, трудных и порой безысходных. Как они выпутываются и встают с колен, как ищут свое назначение в жизни и как постигают свое счастье.

Человек близок к Природе, потому что он из Природы вышел. Она всегда рядом, где бы ни был человек, будь то деревня и лес, или маленький городишка, отсутствующий на карте. Или же это огромный мегаполис, сравнимый по размеру с мировыми столицами. — Везде есть Природа. Она невидима

и не навязчива, — не проявляет себя никак. Но иногда она проявляется явно. И где бы человек ни был, и чем бы ни занимался, он является её частью и подчиняется её законам и правилам. О таких вот законах, и таких правилах эта книга.

Еще, книга повествует о разных людях из разных эпох и времен. Она повествует о лесных историях, лесных Духах и стихиях. — Для кого-то нереальных и сказочных, а для кого-то, самых что ни на есть реальных и жизненных.

Эта книга о самой жизни, такой интересной и такой увлекательной, сложной, и в то же время простой.

Она — эта книга — для Вас, дорогой читатель!

Живите наполненной жизнью, наслаждайтесь каждой её минутой. Не стойте на месте, — развивайтесь сами и развивайте ваших детей.

Будьте благодарными, потому что Природа любит благодарных. Стремитесь к совершенству, так как Природа сама совершенна, так же, как и Вы, — от самого своего рождения.

Не смею больше Вас задерживать, смелее приступайте к чтению книги!

С уважением, Автор

Герои этой книги, явились собирательными образами, вместившими в себя много поколений хороших людей и их характеров. Людей, сохраняющих традиции, язык и культуру своего народа. Все, о чем сказано здесь, все герои и события настоящей книги, являются художественным вымыслом, а любые совпадения носят случайный характер.

Люди Севера, люди Сибири

Буряты — народ сильный, пришедший когда-то в эти земли, и расселившийся от Енисея и до Селенги, и дальше на восток. — О них эта книга.

Эвенки — один из не многих народов, что проживают на бескрайних северных просторах нашей Великой Родины, — и о них эта книга тоже.

Синкэн — это имя Шамана из древнего Эвенкийского ро-

да...

Кочевой народ. Птицы Земные

Кочевое жилище упиралось о землю своими жердями, словно могучими корнями векового дерева. Опора у чума большая, основательная. Ничто не поколеблет её, никакая стихия не сдвинет пастуший чум.

За пологом, если смотреть наверх, может показаться что верхушка чума упирается в самое Небо. Если смотреть дольше, то может показаться, что Небо держится на кочевом жилище. На этом легком и крепком, созданном когда-то человеком. Человеком подвижным, не привыкшем оставаться на месте. Человеком ищущим, не приемлющим оседлости, и каких-либо других ограничений.

Раньше, в древности, кочевых людей называли Птицами Земными. Такими же легкими и подвижными, свившими свои гнезда-чумы на нашей Земле. По старым легендам само высокое Небо держится на этих чумах. Через людей кочевых оно познает земную твердь и земную жизнь. Через их странствия и их общение, познает высокое Небо земные события.

Птица в Небе летит, свободно и легко, ничто её не удержит, ничего она не боится.

Кочевник, как птица, «летит» свободно и легко по своей земле, и по всей своей жизни. Ничто его не удержит в кочевом в пути, ничего не боится он: ни зверя лесного, ни грома и молнии, ни ветра сильного, ни жары, ни мороза. Крепкий

пастух степной, Природой закаленный, и ни дождь, и не снег ему не помеха.

Много ходит пастух, много видит, знает он, что за закатом всегда наступает рассвет, а за рассветом ждет его новая дорога. Волнительное предвкушение которой, как предвкушение новой, молодой жизни!

Тянет кочевая дорога пастуха, не дает никакого покоя. Новые пути открываются, новые горизонты освещает Степное Солнце.

Любит старый Художник пастухов кочевников. Любит он Земных кочевых Птиц. На самой реальности он рисует картины их жизнью. Вся Великая Тундра и Весь мир, вращаются вокруг кочевого народа. Вокруг его беспокойной и бесконечной жизни!..

Разыгрался ветер

Наверху чума, в отверстии, куда обычно выходил дым от горевшего пламени, разыгрался молодой ветер. Он отрывал от небесной дымки кусочки белесых облаков. Растягивал их в острые стреловидные формы и разбивал надвое. Ветер растаскивал облака по небу. Облака легкие, устремлялись на верхние горизонты, там они замедляли свой подъем. Уплотнялись, насыщались влагой, и, постепенно становились тяжелыми и темными.

А ветер гулял по небу, озорничал, катая другие облака на воздушных потоках. Распускались те облака, как большие водные лилии. Исходили они из своей материнской дымки, росли на глазах и растягивались, светом небесным они освещались. Летели облака, вслед за ветром, разными направлениями. Словно лица людей небесных, сверху вниз, на Землю вглядывались.

Рядом с облаками птицы летели, — души легкие и свободные. Раскрывали они свои гибкие крылья навстречу яркому и высокому Северному Солнцу. Улыбалось Северное Солнце, свое тепло и любовь посылало Тундре.

А внизу, под Северным Солнцем, ветер дневные потоки колыхал. Поднимал своей силой волны на небе. — Словно рябь на воде, — словно морские волны поднимал.

Волновались в полете птицы, будто «лодки небесные с белыми парусами». Будто небесные парусники в синем море плавали.

Играл ветер птичьими легкими крыльями, раздувал их широко, — отдельно, по каждому перышку. Наигравшись сверху, опускал их вниз почти к самой земле. Там, вместо птиц, он другим увлекался. Дергал деревья: ели и сосны. И пихты он дергал игольчатые — за макушки, за острые и зеленые. За березы тягал, широкие, за ветвистые белые кроны. Заставлял шелестеть и качаться, их, под своими порывами. Накрывал собой чум и внутрь заглядывал, через отверстие дымное, сверху вниз. Его стены трепал, устойчивые, завывал и гудел, и едва колыхал полог.

Выходил из чума пастух, проверял кто там есть, за пологом: то ли зверь лесной, потерявший звериный страх, то ли человек случайный, заблудший так далеко. А то ли, быть может, стихия балуется, дразнит, пастухов вызывает наружу.

— Но никого за пологом, спокойно всё там, — возвращался в жилище пастух, к делам своим повседневным.

Наигравшись с жилищем вдоволь, возвращался от чума, ветер, к птицам небесным, своим подопечным. Рядом гулял и тянул их высоко, уносил за собой от жилища кочевников.

Там высоко, в тишине воздушной, — облака проплывали неспешно, со своей высоты на землю заглядывались. Между миром земным и миром небесным, они проносились. Виде-

ли птицы оба тех мира. Оба между собой сравнивали.

Мама медведица

(волшебная сказка Севера)

Когда-то, давным-давно, в одном глухом Сибирском лесу пронесся сильный сердитый Ветер. Откуда он прилетел, и что его рассердило — то доподлинно не было известно. Известно лишь то, что кружил он долго, сильно свирепствовал, будто злобу свою на ком-то хотел выместить. По верхам деревьев прошелся, птиц лесных с макушек и крон по всему небу раскидал. Разлетелись лесные птицы, как большие горошины, — кто, куда от сильного ветра. Ни одна в лесу не осталась, все улетели прочь. Ни сорока, ни ворона, ни синица с дятлом и с сойкой. Даже неясить от такого шума проснулась в лесной глуши. Заухала спросонья, раскрыла свои подслеповатые, от солнца глаза, и, по дневному свету, полетела за остальными птицами.

Не успокоился ветер. Ещё больше шуму наделал — гулом гулким загудел, вихрями пыльными закружил. Напугал он лесных жителей. Диких коз на взгорки прогнал, на каменные уступы. Позабавился над ними. Стоят козы на уступах вниз с опаской посматривают, назад не возвращаются.

Опустился ветер с макушек деревьев на их середку, и задул с новой ветреной силой. Не выдержали деревья напора его. Те, что старые сухие, — поломались да повалились. Молодые, не окрепшие — тоже повалились. Друг на дружку,

корнями и земляными комьями наружу. Все тропки лесные завалил ветер. Все дорожки для местных животных по изменил.

Наигрался с животными и птицами, с деревьями старыми и молодыми. Поднялся ветер из леса высоко, высоко в небо, стал он облака сгонять, в водянистые темные тучи их собирать. Гоняет облака по небу в разные стороны, друг об дружку, потоками воздушными трёт. Зарядился воздух от этого, статическим напряжением наэлектризовался.

— Пцссс, — ярко сверкнула молния. Озарила округу.

— Ба-бабах, — громко прогремело следом.

— Баба-бабах, — раскатисто отдалось эхом.

Солнце закатилось за тучи, спряталось за их темнеющими телами. Сумрачно стало в лесу. Словно и не день был уже, а самый, что ни на есть поздний вечер.

Тучи сгущались плотнее и плотнее, под напором разъяренного ветра.

— Пцссс, — снова сверкнула молния, разрезая горизонт, и освещая тяжелые, налитые свинцом тучи.

— Бабах, — прогремело громче. Раскаты прокатились от опушки леса, до самых далеких его глубин.

Напряглись тучи, налились еще сильнее, закружили, словно в большом небесном водовороте.

— Шшшшш, — зашумел высокий отвесный ливень. Потоки воды сошли на землю. Где-то рядом снова сверкнула молния, и отдаленно прогремел гром.

Лес, наполненный летней беззаботной жизнью, окропился влагой. Такое и прежде случалось в этих местах. Однако если раньше влага была долгожданной и благостной, поднимавшей растения, питавшей корни деревьев и кустарников, то теперь она оказалась губительной. С большой силой и в огромном количестве пролилась от самого неба, передавая всю ярость ветра, разряд ослепляющей молнии и раскаты небесного грома.

Вода хлынула всюду: и в лесу на большой равнине, и в глубоких оврагах и впадинах, и высоко в горах, наполняя собой мелкие ручейки и речки. Потоки грязи, глины и песка хлынули сверху вниз. Крупные валуны и камни, не удерживались на своих местах. — Вода подтачивала под ними грунт, вырывая его и лишая всякой опоры. Вдалеке раздавался сильный хруст, словно многие лесорубы начали массово валить лес. Потоки грязи и камней сходили с высоких гор. Они ломали деревья и кустарники, подхватывали и уносили их за собой, проделывали позади себя широкие прогалы и просеки.

Менялась природа, горы меняли свои очертания. Реки раздувались в размерах и затапливали все равнины и низменности. Не один день длилось бедствие, то усиливаясь, то ненадолго затихая. Несло за собой беду и печаль природную. Долго придется восстанавливать всё, что стихия разрушила. Много времени, пройдет пока нормальная жизнь в лесу восстановится...

Время прошло...

Но без худа, добра не бывает. За разрухой страшной и смертью тяжелой, новая жизнь начинается — молодая и светлая.

Чудо Природное произошло однажды. Поселилась в старом валёжнике медвежья семья. Мама медведица со своими маленькими медвежатами. Как они там появились, никто и не знает, только вместе с семьёй медвежьей начал жизнь наполняться опустевший лес. Звери другие стали туда возвращаться, птицы тоже туда вернулись. Закипела лесная жизнь, с новой силой забурлила. Новые деревья поднимались из молодой поросли, новые кустарники между деревьями росли. Звери другие тропки топтали в лесу, другими путями летали птицы.

Учила мама-медведица своих медвежат уму-разуму. Кормила пока они подрастали, водила на речку купаться. Учила, как нужно охотиться, какими корешками и ягодами лакомиться. Ещё учила медведица, если что-то случится вдруг, — куда убегать и где от опасности прятаться.

Медвежата малые, не смыслённые с виду, однако уже понятливые. Больше могут понять, чем выразить.

— Слушайте меня, медвежата, — говорила медведица в очередной раз.

— Мы живем с вами в лесу. Для нас, лесных жителей, есть

свои законы, которые мы должны выполнять.

— А они у всех есть? — спросил маленький мишка, которого звали Мишка.

— У всех. Все жители им подчиняются, — ответила мама.

Мишка, Тишка и Маша

— И они одинаковые? — спросил средний мишка, которого звали Тишка.

— Есть одинаковые, а есть те, которые отличаются.

— А как это? — удивился Тишка.

— Ну, вот смотри. Все мы в лесу живем, потому, и законы одинаковые.

Но ещё есть другие законы, потому что у разных зверей разная жизнь, ни на чью не похожая.

— И на нашу не похожая? — спросила старшая Маша.

— И на нашу медвежью, — ответила мама-медведица. — Звери в лесу — разные живут: одни — маленькие, как мышки полевые и суслики, другие — большие, как козы и олени. Одни звери по тропинкам лесным ходят, а другие по болотам топким, не проходимым. Кто-то из зверей днем охотится, а ночью спит, а кто-то спит днём, а охотится ночью.

— А ещё, мама, кто-то из зверей бегают, а кто-то ползает, а ещё, а кто-то летает и плавает, — подхватила Маша.

— Верно, говоришь, — подтвердила мама.

— А вообще, я понятно вам рассказываю? — спросила мама.

— Понятно, мама, — дружно замахали головами медвежата. Хотя не всё и не всегда они понимали. Так случилось, что мама чему-то учила своих деток. Но не сразу они осо-

знавали её родительский урок. Лишь со временем, столкнувшись с чем-то подобным в жизни, у них всплывали мамины слова, и тогда же к ним приходило осознание. — Только так эта учеба действовала, только так она в лесу работала. Учеба самой жизни лесной, — учеба земной Природы.

Рассказ мамы-медведицы

Однажды мама-медведица собралась со своими медвежатами к большому бурому медведю.

— Он уже много лет на земле живет, многое знает. Мы придём к нему в гости, — вы его слушайте и всё запоминайте, — говорила медведица медвежатам. — А после гостей, пойдём с вами на речку, купаться.

— Мама, а какой дядя медведь? — спросил маленький Мишка.

— Дядя медведь большой! — ответила мама.

— А дядя медведь, когда по лесу ходит, — он вот такой большой? — показал маленький Мишка, привстав на самые носочки и вытянув лапу высоко над головой.

— Ещё выше и больше, — медведица поднялась во весь рост и подняла свои лапы. — И ещё, он уже не дядя, — он уже дедушка. Много видел, с разными зверями общался. В разных лесных передрыгах участвовал.

— Мама, а дедушка медведь, наверное, никого не боится. — Потому что медведи в лесу самые сильные? — спросил средний Тишка.

— Пожалуй, — ответила мама-медведица. — Да мы самые большие в лесу, и, наверное, самые сильные. И почти никого не боимся. Только вот, знаешь, не всё в лесу силой меряется.

— А чем? — удивился Тишка.

— Ловкостью и умением, хитростью и умом. Есть, например, в лесу волк серый. Очень умный зверь. Не пойдёт он в одиночку с медведем драться. Он и не ходит один почти никогда, только по двое ходит или всей стаей. И нам медведям, не с руки с волками драться. Хотя, думаю, с одним и с двумя можно справиться.

— Мама, а есть ещё зверь в лесу, кроме волка, — кто нас не боится? — спросил маленький Мишка.

— Человек не боится нас.

— А он страшный? — спросил средний Тишка.

— Нет, не страшный, — ответила мама. — Он не такой как мы, — он вообще на зверей не похож.

— А какой он, — с нетерпением спросил Мишка.

— Он такой... — У него, ещё, шерсть другая, — ответила медведица, пытаясь объяснить.

— Что? — удивился Мишка.

— Временная шерсть.

— ...? — мотнул головой Мишка, ничего не понимая.

— Ну вот, если тёплая погода в лесу, тогда шерсть у человека тонкая, не нагревает его.

— А если холодно?

— Если холодно, тогда у человека шерсть густая и очень теплая.

— Как у меня сейчас? — нахохлился Тишка. Он растопырил свою шерстяную шубку ворсинками в разные стороны.

— Вот — вот, примерно, такая! — улыбнулась мама-медведица.

Средний Тишка поднялся и горделиво, с растопыренной шерстью, прошествовал перед другими медвежатами.

— Мама, а какая у человека морда? Может быть рыжая, как у лисицы, или серая как у козы?

— У него белая морда, — как у зайца зимой, а ещё она плоская — как у совы, и голая!

— Это как, мама, — удивился Мишка.

— То есть совсем без шерсти! — ответила медведица.

Мишки переглянулись между собой, сбились в кучку, и прижались друг к дружке (очень испугались, представив себе страшного неизвестного зверя, с густой заячьей шерстью на теле. С птичьей совиной головой, с большим острым клювом, и выщипанными, на морде, перьями)

— Он большой, как ты, мама? — робко спросил средний Тишка.

— Нет, не большой. Но он на двух лапах ходит.

— На передних?? — одновременно спросили мишки, и вытаращили на мать свои глаза.

— На задних, — улыбнулась медведица.

— Фу..., — выдохнули медвежата, переглянулись и немного успокоились.

— Мама, а я тоже так умею, — тут же поднялся Тишка. Он с косилапил свои задние лапы, держа перед собой передние, неуклюже прошагал перед медведицей. Однако пройдя

несколько шагов, он запнулся о корень дерева, и повадился на землю.

— Вот видишь, — сказала мама, поднимая торопыгу. — Побеждает не тот, кто большой и сильный, а тот, кто ловкий и быстрый.

— Мама, а человек быстрый? — спросил маленький Мишка.

— Сам по себе не очень. Но у него есть собаки, — они быстрые. Они человеку служат и защищают его, а он их за это, кормит и в свою берлогу пускает.

— Так собаки с человеком бегают? — спросил средний Тишка.

— Человек не бегают по лесу. Он команду даёт, а собаки её выполняют.

— А ещё, мама...? — хотела спросить старшая Маша.

— Ладно, поговорили, и хватит, — прервала её мама. — Пора уже.

Они собрались, и пошли к большому медведю, который жил в лесу, в большой медвежьей берлоге.

Пока шли, медвежата лес рассматривали: интересно кругом необычно. Вышли на опушку леса, а оттуда горы видно: красота, горы высокие, как будто в небо глядят. Своими макушками в облака упираются.

— Как красиво! — запищали медвежата на разные голоса.

Остановились и раскрыли рты от изумления.

— Да, красиво! — подтвердила мама-медведица. — Наши горы — всегда такие! Видите облака, как перины ватные, на плечах у гор разлеглись, и макушки их закрыли.

Мишки, от удивления, сильнее раскрыли глаза.

— Мама, а мне кажется, в прошлый раз горы другие были, — отметила старшая Маша.

— Правильно говоришь, — подтвердил мама. — Каждый раз — новые горы, потому что они меняются.

— А почему они меняются? — спросил средний Тишка.

— Потому, что всё вокруг меняется, — ответила мама-медведица, погладив среднего сына по голове.

— И я тоже? — спросил маленький Мишка.

— И ты меняешься, — подтвердила мама.

— А почему? — снова спросил Мишка.

— Потому что каждый день ты растешь. И все мы растём.

И разные мы — вчера одни, а сегодня другие.

— А завтра мы третьи, мама! — подхватила Маша.

— Правильно! — подтвердила мама. — Всё растёт и меняется: и звери, и птицы, и солнце, и небо, и лес наш, и трава с речкой.

— И горы тоже растут, мама? — спросил средний Тишка.

— И горы растут, только очень медленно. Потому и кажется, что вчера они были одни, а сегодня другие...

— Воон, смотрите, птицы летают, показала лапой старшая Маша.

Вдалеке кружили большие чёрные птицы. Они то взмывали вверх, на дневных перегретых потоках, то плавно спускались вниз, управляясь лишь кончиками своих крыльев. Их полет завораживал и опьянял. Если смотреть на них долго, тогда создавалась иллюзия, что это ты птица, и это ты паришь в небе, лавируя между пернатыми собратьями, сливаясь в едином воздушном порыве.

Мама и медвежата любовались горами и чистым прозрачным небом. Облаками что лежали на плечах у гор, и, конечно же, птицами, — величественными путешественниками по бескрайнему небесному морю.

— Мама, а я хочу так летать, — пропищал младший Мишка. — Как вон те птицы.

— Мы медведи, мы ходим по земле, а птицы летают по небу. Птицы на нас сверху смотрят и тоже мечтают, как мы ходить по земле. — У всех есть свои мечты. Только не все мечты сбываются, — ответила мама-медведица.

— А я когда буду взрослым, — всё равно полечу! — упрямо заявил младший Мишка.

— Возможно, когда ни будь, так и случится, — улыбнулась мама. — Только не сейчас.

— Мама, а мы ещё пойдем смотреть на горы, — пропищал маленький Мишка.

— Конечно, но сейчас идём к дедушке медведю.

И медвежата, один за другим, побрели вслед за своей ма-

МОЙ.

На высоком уступе

Прогулялись они по дорожкам лесным, по тропкам звериным. На уступ высокий едва забрались, очень тяжело и медленно. Отдыхались после подъема и прошли над каменистым отвесом. Посмотрели вниз, а там, внизу речка. Далеко, — не слышать её совсем. Только птицы летают над ней, да не сильный ветер макушки деревьев кланяет. Птицы крыльями машут, парят на воздушных потоках.

— Мама, как интересно на птичек смотреть! — пропищал маленький Мишка.

— На них всегда интересно смотреть, — ответила мама.

— Теперь интереснее, — сказал Мишка.

— Почему? — удивилась мама.

— Потому, раньше мы снизу смотрели, а теперь сверху.

— Ну да, — ответила мама. — Сверху-то получше видно.

— Мама, а птички видят, куда мы идем? — спросила старшая Маша.

— Конечно, — ответила мама-медведица.

— Даже если мы спрячемся? — удивилась Маша.

— Даже если спрячемся, есть птицы, которые нас могут найти, — улыбнулась мама-медведица. Она погладила Машу по её мохнатой голове.

— Чирр-стрик..., чирр-стрик, — словно в подтверждение

слов прострекотала пролетевшая рядом сорока.

Медвежата переглянулись.

— Мама, а птицы разговаривают? — спросил средний Тишка.

— Конечно, разговаривают, только на своем, на птичьем языке.

— Ого, — удивились медвежата.

— А можно научиться с птичками разговаривать? — спросил маленький Мишка.

— Думаю, да. Только об этом лучше вы у дедушки Топтуна спросите. — Он умеет. А вот мне — не довелось как-то.

Постояли медвежата на уступе, посмотрели на птичек, что парили внизу. Посмотрели на речку: далеко она, — руслом своим огибает горы, поворачивает многократно, и водопадами шумными падает. В узких глубоких местах сужается, на широкой равнине рукавами извилистыми разливается.

Хорошо здесь, всё видно. И тайга с деревьями, и горы, и поле с речкой, — всё как на ладони.

Не часто звери заходят сюда, не появляются без особой надобности. Дальними тропами обходят высокий уступ. Но сегодня особый случай, — надо к Топтуну-деду поспеть, в гости показаться. Потому-то и повела мама-медведица своих медвежат, — по короткому пути, — по крутому.

— Осторожно за мной идите. Мее-едленно, — во-от так, — показывала медведица, спускаясь по крутой тропе. Она аккуратно ступала, перенося тяжесть с задних лап на передние, нащупывая перед собой твердую опору.

Ручейки из песка и мелких камушков устремились вниз, потревоженные её могучими лапами.

Маленькие медвежата послушно спускались вслед за своей мамой, запуская такие же струйки из песка и камушков.

Спустились мишки с уступа. Прошлись по равнинной травянистой тропе, свернули с неё и углубились в лес.

Медведица шла впереди, осторожно между деревьев и мелких кустарников. Так осторожно, будто и не медведица, а малая кошка лесная. Мягко ступала: ни один сучок не хрустнул, ни одна веточка не сломалась.

Умела она, подкрадываться незаметно, и незаметно от опасности уходить. Появляться неожиданно в месте непредсказуемом, и мгновенно нападать из любой позиции. Этим и другим навыкам, обрётённым за свою жизнь, учила медведица своих деток.

В гостях у дедушки Топтуна

Пришли мишки в гости, в дверь постучались. Им открыл большой мохнатый медведь.

— Здравствуйте, дедушка, — заголосили писклявыми голосами малыши. Они были воспитанными, мама их так научила.

— «Со старшими — нужно всегда здороваться, и старших нужно уважать», — говорила она.

— Здравствуйте, здравствуйте, — громогласно проревел медведь. — Проходите, проходите, места у меня на всех хватит, — он запустил гостей внутрь.

— Лапы вытирайте, — сказала мама-медведица, подсовывая детям самотканый цветной коврик.

Медвежата, по очереди, расшаркали свои лапы о коврик, и прошли в берлогу.

— Мама, а он совсем не старый, — пропищал маленький Мишка.

— Конечно не старый. Дедушка медведь молодой ещё. И очень сильный. Никто с ним силой не мерится. Но все звери к нему идут.

— А почему? — спросил средний Тишка.

— Потому, что он мудрый, много знает и многое видел.

Звери потому идут, чтобы совета мудрого спросить. Споры свои разрешить: как правильно поступить, чтобы всё по лесным законам было.

— Вы располагайтесь тут, за столом у меня, — сказал добродушно медведь, наливая гостям чай в кружки.

Мишки придвинули сосновые пни к большому дубовому столу и тут же уселись на них.

— Орешками угощайтесь, белочка мне вчера принесла, — он раздал медвежатам шишки. — И мёд, вот, в бочонке, — он разлил мёд по тарелочкам.

— Как вкусно, — сказал средний Тишка, разгрызая кедровые шишки и разжёвывая свежие орешки. Довольный он улыбался и посматривал на своих брата и сестру. Когда он закончил с орешками, переключился на мёд. Стал его слизывать с тарелки. Усы у Тишки ту же склеились, и мёд растекался по всей мордочке. Тишка громко засопел, надувая носом медовые пузыри.

— Ты чаем-то припевай, — заботливо придвинула кружку мама-медведица.

Тишка стал припевать чаем.

— Горячий, — утёр мордашку своей маленькой лапой.

— Осторожно не торопись, — ответила мама и погладила торпыгу по его мохнатой голове.

— Как дела у вас, дедушка Топтун? — спросила ма-

ма-медведица. — Как ваше здоровье?

— А как? — Хорошо у меня дела, — ответил тот. — И на здоровье своё не жалею. Давеча, Енот ко мне приходил. Расспрашивал: как я старшим в лесу стал, какие порядки раньше были, ещё в моей молодости.

— И..., вы...? — продолжила мама-медведица.

— И я рассказал ему. — Всё, что помнил, рассказал.

— А что Енот...?

— А Енот записывал, всё, что я ему говорил.

Енот-летописец

— Дедушка Топтун, а зачем дядя Енот записывал? — спросила Маша — самая старшая из медвежат.

— Затем, что он — летописец.

— А как это? — удивилась Маша.

— Это так, что Енот летописи свои ведёт.

— А о чем он пишет, дедушка Топтун? — робко спросил средний Тишка. Он хоть и был воспитанным медвежонком, и, старался не перебивать, когда старшие разговаривают. Но иногда его так разбирало любопытство, что он забывал про вежливость и воспитанность. И тогда он начинал куражиться, прыгать, кувыркаться и ходить на задних лапах. И обязательно встречать со своими расспросами во взрослые разговоры.

— Обо всём он пишет, — добродушно ответил Топтун. О том, что в нашем лесу происходит: про зверей разных, как они зиму зимовали и весну весновали.

— Лето — летовали и осень — осневали, — продолжила старшая Маша.

— Правильно говоришь, — подтвердил Топтун Машины слова.

— Деда Топтун, а ещё про что пишет дядя Енот? — спросил младший Мишка.

— Ещё он пишет про птиц небесных и про синие небеса,

про ветер и про облака, а ещё про солнце, что землю греет, и тепло нам даёт.

— Так он же летать не умеет, — удивилась мама-медведица. — Как он про птиц-то пишет?

— А ему и не надо летать. У него помощница есть — сорока-переводчица, — тут же нашёлся Топтун.

Она везде летает, всё вокруг видит. Такая у неё работа: всё смотреть в лесу, и всё замечать, — Топтун потёр лапой о другую лапу.

— А тетя сорока низко летает, — неожиданно сказала Маша.

— Наблюдательная ты какая! — похвалил её Топтун. — И правда, сорока летает не высоко. Птицы все разные: одни низко летают, другие повыше. А есть те, которое за самые облака поднимаются, и оттуда в небеса смотрят, на самое Солнце!

— Деда Топтун, а какие птицы выше всех поднимаются, — неожиданно спросил самый маленький Мишка.

— Выше всех — орлы, — они очень сильные. Еще вороны могут высоко летать. — Медведь призадумался, почесал лапой большой шерстяной затылок.

— Деда Топтун, а у них большие крылья? — продолжил расспрашивать маленький Мишка.

— Большие, — ответил тот. Как мои лапы, только длиннее и шире, — он вытянул лапы в разные стороны и помахал ими — мягко и гибко, — как настоящая птица.

— Деда Топтун, а ты умеешь летать? — оживился Мишка. Глаза у него разгорелись, он всем телом подался в сторону, к Топтуну.

— А почему ты так думаешь? — удивленно спросил тот.

— Потому что..., — как птица..., — Мишка повторил его волнообразные движения.

— Ну что ты! — улыбнулся тот. — Я же медведь, а не птица, я по земле хожу, незачем мне летать.

От таких слов Мишка сразу расстроился. Опустил голову и надул свои маленькие губы, но всё равно продолжил смотреть то на большого Топтуна, то на свою маму.

— Да не переживай ты так, — погладила Мама-медведица своего малыша по мохнатой голове. — Мы же медведи, — мы самые сильные в лесу, — помнишь!

— Угу, — ответил Мишка и немного успокоился.

— Так вы про сороку рассказывали..., — про помощницу Еноцкую..., — напомнила Мама-медведица.

— Да..., — Сорока, в лесу, всех связывает: и зверей, и птиц. Всё она замечает: и что на земле происходит и что в небе. А если не замечает, тогда у других спрашивает.

— А чего она Еноту переводит? — спросила мама-медведица.

— Язык души евошной, — Еноцкой, — ответил дед-Топтун.

— Во как!? — покачала головой мама-медведица. — Век медвежий живи — век учись. А я-то и не знала про это! —

она улыбнулась своим медвежатам.

Они посмотрели на маму и тоже улыбнулись. Расслабились. Это было знаком для них, что теперь им можно и говорить, и перебивать, и вообще делать всё, что мама разрешит.

— А какая она, — душа у Енота? — спросила мама-медведица.

— А походишь ж, ты, спроси у неё! — махнул своей лапой Топтун. — Какая у всех, нас, — разная. — Капризная иногда, иногда вредная. — Но всегда весёлая.

— Почему-то не замечала я за Енотом весёлости, — сказала мама медведица. Она подхватила среднего Тишку, который пробежал мимо, запнулся о стол и едва не полетел на землю. Медвежата устали сидеть на одном месте. Теперь они бегали друг за дружкой, играли в догонялки, кувыркались и прыгали. Маленький Мишка со средним Тишкой устроили возню, а старшая Маша пыталась их разнять.

— Ну-ка, давайте по тише, — строго сказала мама-медведица.

Медвежата тут же успокоились.

— Вот я и говорю, — продолжил Топтун. — Душа у Енота своя. Только — он её понимает, и никто другой. Она с Енотом на своём языке разговаривает. И что Енот от своей души записывает, — никто другой понять не может.

— Никто? — переспросила мама-медведица.

Сорока-переводчица

— Никто, акромья Сороки. — Вот она только и переводит, — всю Еноцкую душу, на наш звериный язык, — Топтун поднялся на задние лапы, потоптался немного, кости свои старые поразмял.

— Ух, — уселся грузно на сосновый пенёк. — Так получается, что Енот про птичью жизнь от Сороки-переводчицы узнает. Душа, евошная, диктует Еноту, и он за ней записывает. А потом Сорока всё это, на понятный для зверей язык, переводит.

— Как сложно, — удивилась мама-медведица. Она поймала на ходу расшалившегося младшего Мишку и усадила его рядом с собой. Тот отмахивался своей мохнатой лапой от назойливой мошки и вытирал пот со лба.

Средний Тишка и старшая Маша поняли маму и тут же уселись за стол, каждый на свой пенёк.

— А можно проще? Например, чтобы Сорока сразу написала летопись про птиц? — Без Енота? — спросила мама-медведица. Она махнула лапой и поймала мошку. Подошла к окну и выпустила её в форточку.

— Без Енота нельзя, — ответил Топтун. — Каждый в лесу своим делом должен заниматься. Летописец — летописи писать, Сорока — летать и новости птичьи по лесу собирать.

— Да и не поймет никто из зверей, — Сорочьи-то лето-

писи.

— А Еноцкие-то — каждый поймет..., — вставила мама-медведица.

— И Еноцкие тоже, непонятные. Но после Сорокиного перевода всё на место становится, — ответил Топтун и подлил свежего чаю по кружкам. — Такой он, язык души, — не всем понятный, — стал припевать, потягивать горячий.

— Мама, а мы тетю Сороку сегодня видели! — сказал средний Тишка.

— Видели, — подтвердила мама. — Над высоким уступом она пролетала, когда мы к вам в гости шли, — обратилась медведица к Топтуну.

— Ну, вот я и говорю: Сорока везде летает, и всё про всех знает в лесу. Она такая, — улыбнулся Топтун. — Ничего от неё не утаишь.

— Дедушка Топтун, а вы слышали про людей?

— Что...? — едва не поперхнулся Топтун.

— Ну..., у людей есть такой язык, про который вы говорили? — спросил маленький Мишка, высунув свой маленький язычок.

— Ух, какие ты вопросы взрослые задаешь, — растерялся Топтун. — Не знаю, не знаю, как-то не встречался я с ними близко-то.

— А вы их видели? — тут же нашелся Мишка.

Топтун немного помолчал, подумал. Потом посмотрел в окошко и обернулся к столу.

— Знаешь, — потрепал он малыша своей большой лапой.

— Видеть-то я их видел, и не один раз. Но старался стороной обходить.

— А почему? — не унимался Мишка.

— Не задавай дедушке таких вопросов, — одёрнула младшего Мама-медведица.

— Ну, почему же, пускай задает, — немного пришёл в себя Топтун. — Обходил я людей, потому что положено так, — в лесу у нас. Людям на глаза лучше не показываться, стороной их лучше обходить.

— А почему? — опять спросил Мишка.

— Потому что. Они может тебе, и ничего не сделают, а может, и сделают, — ответил Топтун и замолчал. — Не надо с людьми встречаться, — расшаркался лапой он по земляному полу.

Малыши притихли.

— Деда Топтун, а у них есть язык? — повторил Мишка и снова высунул свой язычок.

— Ах, язык, конечно, есть, — ответил Топтун.

— А дядя Енот есть у людей?

— Зачем им Енот?

— Ну, чтобы писать..., — смутился Мишка.

— Нету у них Енота. У них другие люди истории пишут.

— А тетя Сорока ..., — есть у них? — наконец-то осмелев, спросил средний Тишка.

— И сороки у них нету. Сами они все пишут...

— И как понимают, только? — покачала головой мама-медведица.

— Кто? — не понял Топтун.

— Люди. — Как они понимают друг друга, когда истории пишут? Вы же говорили, что душа у нас — по-одному мыслит, а сами мы, — по-другому. Если так, то и у людей, похоже, будет, — сказала она, отхлебнула чаю из кружки.

— Ну да..., — ну да, — ответил медведь, помешивая мёд в кружке с чаем. — Вы мёду добавляйте, так вкуснее будет. У меня, вот ещё, — печенье овсяное есть, в лесном магазине купил, — он достал из пенала кулёк и отсыпал в вазочку.

Медвежата тут же накинулись, и, через минуту, вазочка была пуста.

— Ух, молодцы, вы какие у меня! — Топтун разлил по тарелкам мёд из бочонка и высыпал с горкой остатки печенья в вазу.

Маленькие медвежата слизывали тягучий мед с тарелок, вприкуску с овсяным печеньем. Их довольные мордочки изредка поглядывали то на маму, то друг на друга, то на деда Топтуна.

— Чаем припевайте, — напомнил Топтун и подлил ещё из чайника.

— Мама, а деда Топтун хороший, — тихо сказал маленький Мишка, чтобы слышала только мама.

— Хороший, и ещё он веселый, — ответила мама.

— Деда Топтун, а люди, какие бывают? — неожиданно задал вопрос младший Мишка.

— Ну, понимаешь, — начал, было, Топтун. Он призадумался, прежде чем продолжить. Накрыл свою морду большой лапой, потом шумно вдохнул, убрал лапу и продолжил. — Есть люди простые, которые в своих поселениях живут и до нас зверей им никакого дела нету. А есть другие, которые по лесу ходят и на нас зверей охотятся. Вот таких-то людей и стоит бояться.

— А почему их нужно бояться? — спросил маленький Мишка.

Потому что у них ружья есть пулями заряженные. Никуда не убежать от них и ни спрятаться, — от пуль этих.

— А почему? — спросил средний Тишка.

— Потому что быстрые они, — пули те.

— Быстрее чем заяц? — спросил средний Тишка.

— Быстрее, — ответил Топтун. — Быстрее любого зверя.

— Быстрее тёти Сороки? — спросила старшая Маша.

— Быстрее. — Любой птицы быстрее, — ответил Топтун и тут же нахмурил свои густые брови. — Они любого зверя и любую птицу вмиг достанут, как бы быстро зверь не бежал, и как бы высоко не летела птица.

Медвежата тут же притихли. Они напугались.

— Ладно, не бойтесь. Не всегда человек по лесу ходит, и не всегда он охотится. И тропы у человека другие, — с нашими не схожие. А ещё — есть в лесу места, где человек

вообще никогда не появляется. Вот в них то, — в этих местах мы и строим свое жилище. Тут Топтун замолчал, о чём-то ещё задумался. Потом снова шумно вздохнул, почесал свой затылок и продолжил:

— Но вы по лесу — осторожно ходите, и с человеком старайтесь не сталкиваться. А если и увидите его, — тогда стороной обойдите, чтоб не заметил он вас.

— Ну, всё, давайте уже, собираемся. Солнышко высоко светит, жарко в лесу. Пойдем на реку купаться, пыль с нашей шёрстки смоем, — сказала Мама медведица своим малышам.

Случай у реки

Собрались маленькие мишки, со своей мамой, вылезли из медвежьего жилища, попрощались с дедом Топтуном, и пошли на реку. Неспешно пошли. Ступали тропками хожеными, развилками знатными, теми, по которым Мама-медведица ещё в своем детстве ходила.

Каждое дерево, каждый кустик были знакомы здесь. Болотá сухие с высокими кочками, ручейки и лужи с камнями большими и маленькими, — всё стороной обходили. Две горы прошагали, в два подъёма крутых поднялись и с двух длинных спусков спустились. По дороге, их, птицы сопровождали. Рядом чирикали, стрекотали и каркали, перелетали с ветки на ветку, с дерева на дерево, с макушки, на другую макушку. Везде следовали птицы за медвежьим семейством, словно дружная пернатая ватага.

— Вон, мама, тётя сорока пролетела, — поднял голову маленький Мишка.

Сорока пронеслась рядом, помахала крыльями, вильнула своим белым хвостом, и исчезла за деревьями.

— Торопится она, новые слухи по лесу разнести, — ответила Мама-медведица маленькому Мишке. — Когда сорока высоко летит — далеко видит. Когда ниже спускается, — в мелких деталях всё различает.

— А что она сейчас хотела рассмотреть? — спросил млад-

ший Мишка.

— Думаю, нас она высматривала, как мы идём, куда, в каком направлении.

— Она, наверное, к деду Топтуну полетела, — сказал средний Тишка. Он тоже поднял свою голову, провожая со-року взглядом.

— Ладно вам, под лапы смотрите внимательно, — сказала старшая Маша. Она зашагала быстрее вслед за своей мамой.

Хорошо кругом, лето: тепло, зелено, воздух чистый прозрачный, ветерком колышется, влагой лесной насыщается. Благодать, да и только! Живи и радуйся!

Только обманчиво, с виду, в лесу и не всегда спокойно. И порой за спокойностью видимой, напряжение витает в воздухе.

Шла медведица-мама, вся во внимании. Хрусты любые и шорохи, дуновения легкие, запахи незнакомые — всё она улавливала. Везде настораживалась и внимательно наблюда-ла. Всё, потому что — с ней медвежата: убежать быстро не смогут, или спрятаться вовремя. Им защита нужна, несмыш-лёные они ещё, маленькие. Если что случись, пропадут без неё в диком лесу.

Учила мама-медведица медвежат разным условностям. Знакам разным лесным, тем, что дед Топтун, её, когда-то учил.

Ещё, мама-медведица сама подавала знаки, показывала: на такой знак — затаиться, если охотишься. На другой —

спрятаться — если опасность. А на третий знак — побежать быстро не оглядываясь.

Бывало, что медведица шла одна по лесу без своих медвежат. Когда было так, то она не боялась. Если соперник в пути появлялся, — могла скрыться с глаз его, за деревьями спрятаться, или, в густой валежник уйти. Если соперник по силам её, мама-медведица могла и отпор дать. Потому что сильная была, быстрая и ловкая.

Медведи — большие, и с первого виду неповоротливые, однако на деле — совсем по-другому. Если река на пути встанет — не преграда она для медведей. Они в реку могут зайти, и даже поплыть. — Не боится медведь ни воды, ни течения. Если лес кругом и деревья высокие, то медведи могут на дерево влезть. Крепко за ветки и ствол цепляться, — не страшна для них высота.

А ещё они могут быстро в гору подняться, и потом так же быстро оттуда сбежать.

Маскироваться умеют медведи, да так хорошо, что пройдешь совсем рядом и ничего не увидишь. Всё потому, что в лесу живут, по законам лесным поступают.

И причины есть разные: будь то охота за дичью, или утеха, для удовольствия. Но бывает такая причина, что даже медведю большому, есть чего опасаться в лесу. А медведице с медвежатами — так тем более. Тут свои уши — остро держи. Не сам по себе ты, но и детки малые на тебе. В защите нуждаются и в помощи.

Ступай тогда мягко и тихо, чтоб ни кустарник не шелохнулся, и ни ветка рядом не хрустнула. Мало ли, что тебя ждёт на развилке, кто чужой вдалеке, в валежнике спрятался.

Шла мама-медведица осторожно, детей за собой на речку вела.

Медвежата обычно послушные, когда мама на них строжится, потому что на каждую строгость мамину есть своё объяснение. Но если не строжится мама, — малыши разыгаться могут, разбаловаться. Вдруг рычать друг на друга начнут, или бегать станут друг за дружкой.

Так и дошли они до самой реки. С берега спустились в воду.

— Ну, вот мы и на месте, — с облегчением выдохнула мама-медведица.

Медвежата остановились за ней в нерешительности.

— Чего испугались? — повернулась она к медвежатам.

— Мама, а вода холодная? — спросил Мишка.

— Так ты попробуй сам, — ответила медведица, выбрала место поположе, и полезла в воду.

— Ну же, давайте за мной, — позвала она.

Мишки, осмелев, побежали за мамой, и плюхнулись в воду, словно пушистые шарики. Стали махать своими маленькими лапами, брызгаться и отфыркиваться от воды.

Прозрачная речная вода омывала их: то накатывала крупными волнами, то рябью ветреной пробегала рядом, а то и

вовсе, накрывала их с головой. Мама медведица следила за своими медвежатами, и, иногда, поглядывала в сторону берега. Река шумит, ничего не слышно, мало ли, кто в кустах притаился. Медведь хоть и хозяин тайги, но и у него могут быть недруги, тем более — когда детишки несмышлёные рядом.

Искупались малыши, вылезли на берег. Один из них — самый маленький, стал отряхаться. Он мотал головой и телом, распыляя вокруг облако мелких водяных капелек. Рядом с ним отряхались его мама и старшие брат с сестрой.

Невесть откуда налетела назойливая мошка, плотным облаком попыталась атаковать медведей. Но тут дунул резкий прохладный ветер и своими порывами разогнал мошку.

Мишка был очень любопытным. Он не только отряхивал шерстку, но и рассматривал всё, что происходило вокруг. Неожиданно он заметил мальчика на другом берегу. Мишка перестал отряхаться, вытянул шею и потянул ноздрями в ту сторону, чтобы уловить запахи. Однако ничего не учуял. Только сырость, исходившую от реки, да резкий запах от мамы и мокрых брата с сестрой.

Другой берег, — далеко, Мишка прищурился, чтобы лучше разглядеть. Долго всматривался, и разглядел наконец-то. Увидел человека, — маленького и не похожего ни на одного лесного зверя.

— Голый, — ни шерсти на нём, только на голове немного. С белой, как у зимнего зайца, кожей. С плоской, как у ночной

совы, мордой. Только у совы клюв крючком торчит. А у этого нет никакого клюва. — Ну, точь-в-точь, как мама рассказывала. А ещё, этот маленький человек ходил на задних лапах, но нисколько не переваливался, как это бывало у медведей. Станный какой-то, и ни на кого из зверей не похожий.

Пока Мишка рассматривал человека, его мама, с другими малышами, уже отряхнулись от воды и начали подниматься вверх по тропинке.

«Почему это звери людей боятся?» — подумалось Мишке. «Они же маленькие», — он увидел, как мальчик лег на траву и положил свои белые лапы под голову.

Мишка продолжил отряхаться. Снова вокруг полетели мелкие капельки. Тут Мишка не удержался, лапы его скользнули по мокрому камню, и он покатился под берег.

Река вокруг плещется, шумит, наплатала она Мишкину шерсть, шерсть стала тяжелая. Он попытался подняться на лапы, но они разъехались на скользких камнях. Он снова попытался подняться и снова упал, начал беспомощно барахтаться и громко рычать.

Мама-медведица, ушедшая уже с берега, обернулась случайно и не увидела среди малышей самого младшего. Остановилась, осмотрелась и тут же заметила его в воде.

— Что случилось? — она развернулась резко и понеслась в сторону речки. Маша и Тишка остались на месте дожидаться маму. В три больших прыжка медведица была почти на трети пути. Резко остановилась.

— Урррс — низко зарычала медведица, и снова сорвалась с места.

Мишка услышал рев мамы, и немного успокоился.

Мальчик, на другом берегу, оказался свидетелем необычного происшествия. Он издали видел купание медведицы и её медвежат. Видел, как они зашли в воду, как брызгались друг на друга, как потом вышли и отряхнулись. И, конечно же, он увидел, как маленький Мишка оступился и покатился в воду. Теперь же он наблюдал стремительный бег медведицы.

Его дед — Шаман, рассказывал, что медведи, хоть с виду и не поворотливые, но очень быстрые и ловкие. Говорил, что медведь, в опасности, может даже мотоцикл догнать, и о том, что убегать от него бесполезно. А ещё, что в гневе, медведь может даже деревья ломать, и довольно крупные, не говоря уже про мелкие кустарники. Такая она — природная силища у Хозяина Сибирской тайги. «И поэтому», — говорил внуку Шаман, — «лучше его не тревожить, — стороной обходить по возможности».

Все это внук слышал не однажды: и от деда, и от других деревенских охотников. Но, одно дело — услышать, другое — самому всё увидеть.

Коля видел, как медведица собралась в огромный мохнатый шар, как потом распрямилась резко, и, словно стрела, полетела вниз. Шерсть у неё развивалась, прыжки её бы-

ли пружинистыми и стремительными. Словно и не медведица вниз полетела, а большая мохнатая кошка. Коля видел, как она вдруг остановилась и зарычала. Не приятный рык — громкий, даже через речку слышно.

Потом медведица снова сорвалась и снова полетела туда, где был её медвежонок. Перед берегом засемила часто, и, со всего маху, заскочила в воду, с брызгами и большими волнами. Ухватилась зубами и назад попятилась. Потянула назад маленького барахтающегося Мишку. Со всей медвежьей силой потянула: насколько её мощные лапы позволяли, и насколько её крепкие зубы сжимали. Тянет назад, пузыри носом пускает, а Мишка позади плывет словно мячик мохнатый, на воде барахтается. Выволокла Мишку на берег. После, Коля увидел, как они вместе отряхнулись, и, уже не спеша, пошли в лес по своим медвежьим делам. Медвежонок шел впереди, а медведица сзади. А речка горная, холодная и быстрая, побежала в другую сторону, по своим, по речкиным делам.

Это событие очень впечатлило Колю: такая вот неожиданная встреча оказалась в первый раз в его жизни.

Мать — природа преподносила урок Шаманскому внуку. — Что он возьмет для себя? — Какое новое знание вынесет?.. — Как это событие повлияет на его жизнь?..

Под впечатлением, Коля быстро собрал свою одежду, и, не мешкая, побежал на поле, туда, где его дед с папой косили траву...

Глава 1. Синкэн

*...Небо над нами, — высокое синее.
Здесь, на земле, — оно словно море глубокое.
Солнцем блестит, — набегаёт на скалы.
В солнечный день, оно ярко светится,
Небо, — воздушные массы вздымает волнами.*

*Быстро меняет свои настроения:
Пеной шипит, берега омывает.
Гонит оно корабли воздушные.
От одних берегов дальних, до других берегов,
ближних.*

*Рано встает на рассвете, Небо,
К вечеру, на закате, оно успокаивается.
Небо, как море, в закате купается,
Небо, как море, в закате красуется.*

*Только лишь ночью тихой и звездной,
Небо как море, спит, отдыхает.
Небо, как море, радуёт глаз.
Небо, как море, влечет, очаровывает.*

*Небо к Природе причастно — к Матери нашей!
Небо так же причастно, к отцу — Создателю!
Небо, как море, нас жить заставляет!
Небо, нам дарит любовь и счастье!..*

(Небо как море)

Маленький Синкэн сидел на меховой подстилке, и во все глаза, смотрел на огонь, который горел в центре чума. Жилище наполнялось теплом и светом. Яркое пламя колыхалось, вибрировало, отбрасывая замысловатые тени на другой стороне чума. Тонкие струйки дыма и горячего воздуха поднимались в верхнее отверстие, туда, где обычно виделся кусочек синего неба.

Взрослые ушли с оленями в тундру, братья Синкэна пошли им помогать.

Рядом с мальчуганом сидел его дедушка. Он тоже смотрел на пламя, гладил свою седую бороду и неспешно рассказывал.

— Знаешь, Синкэн, мы — люди северные. Олени — наши помощники и друзья. Везде они с нами.

— Деда, а когда они появились?

— Ооо, — они очень давно появились.

— А как давно? — не унимался Синкэн.

— Старейшины говорили, что Бог сначала людей создал, потом оленей, а потом уже всех остальных существ. Так по-

лучается, что с первым человеком, олень появился на этом свете.

— А зачем олени нужны? — спросил Синкэн.

— Ну как же, — вот наш дом, — он из оленьих шкур сделан. Основа у него деревянная, крепкая, — такая же крепкая как земля наша, — он показал на высокие крепкие жерди. — Хорошо дом стоит, Небо деревянными жердями подпирает. Сколько таких домов, в Большой тундре, — все они наше Небо держат.

А еще наш дом в Небо своим глазом смотрит. Ни ветра сильного не боится, и ни дождя.

— Деда, а где у нашего дома глаз? — удивленно спросил Синкэн.

— Глаз у нашего дома, в аккурат по середине будет. В той середине, что огнем с дымом вверх выходит. В синее Небо глазом смотрит, наблюдает за солнцем и за звездами! — дед взял из очага не погасшие еще угли, и поднес на ладони к внуку. Угли тлели, переливались алым цветом.

— Деда, а тебе не больно, они же горячие? — спросил Синкэн.

— Нет, не больно. У меня шкура толстая на руках, не чувствительная. Как сплошная мозоль, — дед сжал ладонь с углями в кулак. Угли захрустели, задымились в кулаке, посыпались черным пеплом на землю.

Синкэн, глядя на деда и на его руку, сморщился.

— Чего, — боишься? — Не бойся. Я с огнем давно уговор

держу. Вот он меня и не трогает.

— А как это — уговор с огнем? — спросил Синкэн.

— Это позже..., — подрастёшь, когда, расскажу, — он помедлил. Раскрыл ладонь и высыпал сдавленные угли в очаг, похлопал ладонями одной об другую. Взял немножко сажи с ладони и намазал ей на лице Синкэна. На носу полоску, на щеках и на лбу.

— Я теперь как ты, — с огнем буду дружить? — спросил чумазый Синкэн.

— Будешь, но позже, когда подрастешь. А пока — это защита твоя. Дед Синкэна вынул нож из ножен, посмотрел на клинок, переливающийся в свете костра. Потянулся к кипящему чугунному котлу, выудил ножом кусочек вареного мяса, насадил посильнее и достал. Взял горячий кусок в руки, подул на него, быстро перекинул из одной ладони в другую и потом назад, при этом что-то нашептывая.

Синкэн сидел рядом и внимательно смотрел на деда. Его волосы были взлохмачены, а лицо было чумазное. Одни только глаза светились, да белые зубы иногда сверкали.

Дед отрезал кусочек и бросил в огонь. Огонь зашипел и начал трещать. Влага мгновенно испарилась, кусочек вспыхнул ярким пламенем и тут же обуглился. Начал переливаться и светиться, как древесный уголёк.

Дед отрезал ещё кусочек и снова бросил в огонь.

Незримые гости

Колыхнулся полог у чума. Легкое, едва уловимое дуновение пробежалось вокруг очага и незримыми волнами обдало находившихся в чуме людей.

Дед разрезал оставшийся кусок мяса, надвое, и бросил в огонь.

Невидимые существа проникли внутрь кочевого жилища. Огонь в очаге полыхнул алыми языками, разлетелся искрами, и после, клубами дыма поднялся кверху, к самому отверстию. Оттуда он вытянулся наружу, унося за собой всю старую грязь и темную энергию, которые скопились в жилище за долгое время.

Дед налил в чашку чаю с молоком, капнул на огонь и неспешно пропел молитву, приглашая невидимых гостей к очагу. Капнул еще несколько раз, сделал несколько глотков, и остатки вылил в огонь. Поднял пустую чашку кверху, вскинул руки и проговорил незнакомые имена.

На стенах чума появились тени. Они двигались, колыхались в такт беспокойному пламени.

— Деда, кто это, — прошептал Синкэн и придвинулся к деду.

— Это духи пришли, я их позвал. — Дед подбросил дров в горящий очаг. Огонь загорел по-другому, неспешно и наполнено.

— Они смотрят на тебя, запоминают, — проговорил дед Синкэна. Потом повернулся в сторону внука и продолжил:

— После сегодня, где бы ты ни был, куда бы ни пошёл, — они тебя везде найдут.

— Как это? — удивился Синкэн.

— По запаху твоему. По рисункам, которые я нарисовал у тебя на лице.

— А зачем им меня искать?

— Чтобы защитит и помочь.

— Деда, а если я помоюсь, — Синкэн стушевался, — Найдут меня?

— Конечно, только глянут и сразу увидят. Рисунки, которые я нарисовал — сохранятся. Хоть мойся, хоть не мойся.

Маленький Синкэн поежился. Для него всё это было в первый раз, и всё было страшно и непонятно.

— Деда, а духи хорошие? — поежился Синкэн.

— Для кого как. Для одних хорошие, — для других не очень.

— А для нас?

— Для нас хорошие, — успокоил внука дед.

— А они нас слышат? — прошептал Синкэн, и прикрыл руками рот.

— Конечно, — дед подмигнул Синкэну. — И мысли, наши, видят. Мы только подумали, а они уже увидели и всё поняли.

— А теперь встань и поклонись на три стороны, вот так:

дед поднялся с колен на ноги и поклонился на три стороны света туда, где разместились невидимые гости.

— Давай, повторяй как я, — дед подтолкнул Синкэна. Тот неуверенно встал, подошел ближе к очагу и начал кланяться, как и его дед.

Дед подлил чаю с молоком в свою чашку, проговорил несколько слов и капнул в огонь. Потом пригубил и дал пригубить внуку.

Он снова продолжил молиться. Тени неожиданно пришли в движение, зашевелились, стали танцевать, затмевая собой стены и выход из чума. Внутри становилось душно.

Дед продолжал молиться, а огонь продолжал гореть в очаге. Тени теперь сновали по большому кругу. Здесь, где сидели маленький Синкэн и его дед, повеяло холодом. Задержался полог у чума. Дым, исходивший из очага, неожиданно истончился в тонкую струнку. Так случалось лишь когда священному Духу огня не подавали вовремя дровяной пищи. Лишь в тот момент, когда из горячего в очаге, оставались только тлеющие угли. Огонь замер, затих, будто спрятался за прогорающими дровами. Жар есть, свет есть, только пламени почти не видно.

Дед Синкэна обратился к предкам, стал причислять имена: — от самых далеких, тех, кто стоял у истоков рода, — до самых близких, ушедших не так давно, в третьем колене. Он переступал с ноги на ногу, поворачивался медленно, словно пританцовывал. Вскидывал руками в небо, обращал туда

свой взор. Голова его тряслась, седые волосы распушались на голове, словно шерсть звериная вздыбливалась.

Дед сотрясал руками окружавший его воздух. Воздух в чуме уплотнялся, становился тяжелым. Дым переставал подниматься кверху и начинал стелиться по низу наполняя и задымляя чум. Тени начинали сновать сильнее, в дымке появлялись очертания каких-то не ясных событий, все они проходили, перед глазами маленького Синкэна. Одно за другим.

Позже дед успокаивался, волосы его тогда ниспадали мягко на голову. В очаге, почти что угасшем, едва светившем своими угольками, снова появлялась тяга. Огонь начинал разгораться, а дым, наполнивший было жилище, спешно покидал его через единственное отверстие на верху чума.

Дед прошептал еле слышно и подкинул хвороста в очаг.

Он продолжил молиться и расхаживать по жилищу. Голос деда менялся: от среднего, до самого высокого тона, постепенно доходил до визга.

Синкэн внимательно посмотрел на деда.

Теперь дед начал низко и громко рычать, словно зверь оскаленный, предупреждающий своего врага. Лицо его поменялось из обычного и улыбочатого, до злого свирепого. Лицо его словно превратилось в разъярённую морду дикого зверя.

Синкэн не боялся звериного рыка, и громкого крика он не пугался, потому как в нём, в маленьком северном мальчике, сидела сущность, данная его предками ещё при рождении.

Рык зверя был для Синкэна близким, почти родным. Всё, потому что:

Даже маленький зверь — это всегда зверь. Рано или поздно он вырастит и покажет себя в этом диком необузданном мире.

Заколыхался огонь, забеспокоился, стал раскачиваться из стороны в сторону.

Дед Синкэна обходил по кругу жилище на под согнутых ногах, руки его так же были под согнуты.

— Рр-раааа..., — взревел неожиданно дед Синкэна, словно большой бурый медведь ревёт — хозяин лесов Сибирских.

— Рр-раааа..., — отозвалось в отдалении от чума, за большими соснами, в глухом валежнике.

— Рр-ррр..., — отозвалось громче и ближе. Совсем рядом слышалось тяжелое хищное дыхание.

За пологом чума закружились воздушные потоки, ветер стал колыхать полог, поднялся по стенам, подергал их, поднялся выше, заглянул в отверстие и тут же отпрянул назад.

Дух огня пыхнул множеством ярких мелких угольков. Огненное многоцветье поднялось резко и вылетело в верхнее отверстие. Обдал Дух огня, чужую стихию, своими горящими искрами.

— Рррааа..., — тут же слышался рев испуганного мед-

ведя, заметившего яркие снопы искр.

— Уу-ууу..., — по волчьи завыл дед Синкэна, как вожак воеет, призывая стаю. За пологом, в небе, закружили вороны, чёрные как беспросветная зимняя ночь.

— Уу-ууу..., — отозвалось вдали. Серые бестелесные волки пришли на призыв вожака. Собрались возле чума.

— Уу-ууу..., — снова завыл по волчьи дед Синкэна, только другим тоном, упреждающим.

— Рр-ррр..., — послышалось совсем рядом.

— Рр-ррр... Рррааа..., — громко отозвался дед Синкэна. Возле чума послышалось хищное дыхание и волчья возня.

Дед Синкэна подкинул хвороста в очаг, пошевелил угли, подул на них.

Вновь проснулся Дух огня. Закружил искрами, словно в танце поднялся. Большой дух — Огненный. Больше деда Синкэна, больше медведя бурого — Хозяина Сибирского леса. Высоко поднялся, выглянул наружу из выходящего отверстия.

— Пу-ффф, — пыхнул наверху ярким пламенем и яркими искрами. Озарился лес как от яркой молнии. Жарко стало снаружи, как в самую сильную летнюю жару на солнце.

Поджали хвосты хищники, разбежались по лесным дальним углам. — Не их территория это, — нельзя здесь больше ходить. Стихло всё неожиданно, и внутри и снаружи кочевogo жилища.

Поднялись тени в чуме, и, так же как Дух огня, вылете-

ли через верхнее отверстие, туда, где всегда синее Небо, куда человек через единый глаз кочевого жилища за Миром Небесным смотрит. Приняли Духи маленького Синкэна в свою стаю. Отныне и навсегда он под их защитой, и под защитой лесных законов...

Общение

*Сердце Великой Степи бьется в чуме пастушьем:
Среди льда и снегов на просторах огромных,
В чуме, в одном во Вселенной целой,
В сердце родной и суровой Природы Севера,
Бьётся в Мире Воздушном, Земном и Небесном...*

*Сердце Великой Степи бьется в чуме пастушьем:
В очаге, где хозяйка готовит всем пищу,
В алтаре, — в месте, где хозяева молятся,
Просят предков своих и небесных божеств
о помощи.*

*Сердце Великой Степи бьется в чуме пастушьем:
В душах самих пастухов-кочевников,
От молодых людей и до зрелых старейшин,
Что несут саму Степь Великую на своих и оленьих
ногах.*

*Смотрит легкий пастуший чум в отверстие,
В высокое синее Небо он взглядывается,
В далекие дальние Звезды он всматривается,
Ищет в высокой Вселенной родные души.*

*Сердце Великой Стены бьется в чуме пастушьем:
В кочевом пути, что у каждого есть человека,
Что их предки когда-то ходили, что сами
кочевники ходят поныне,
Что их дети и внуки когда-то будут ходить...»*

(Сердце Великой Стены)

Маленький Синкэн по-прежнему сидел на меховой подстилке, и во все глаза, смотрел на огонь, который горел в центре чума. Рядом с мальчуганом сидел его дедушка. Он тоже смотрел на пламя, и гладил свою седую бороду. Он уже не пританцовывал как раньше, и не произносил молитвы. Он больше не ревел как бурый медведь, и не выл как серый волк.

— Деда, а как это — Дух Большого огня? Как это — Духи предков? Как они? Кто они? — задавал вопросы Синкэн. — А я когда вырасту большой, смогу как ты:

«— Рр-раааа», — прорычал Синкэн тоненько. — Или: «— Уу-ууу...»

— Ну это как сложится. — ответил Синкэнов дед.

— Я, конечно, тебе помогу понять и научиться. Но..., — он едва задумался.

— Понимаешь, у каждого зверя своя тропа, поэтому и петляет каждый зверь по-особому, по-своему. У каждой птицы свой полёт, и она по-своему кружит и летит к цели. А че-

ловек посложнее чем птица будет или зверь. Потому и дорога у человека своя, и не всегда она прямая, но сложная

— А какая у человека дорога? — не унимался Синкэн.

— Особая дорога, многими поколениями предков хоженная. Каждый человек из рода своё направление имел при жизни. Один, понимаешь, в одну сторону шёл, в одном деле развивался. Другой человек, шёл другой дорогой, от своего ремесла уроки получал. Третий — в третьем направлении шёл и третьи цели достигал. А их потомок все эти дороги и цели в себя вобрал, всё лучшее от предков, и пошёл своей дорогой, подкреплённой его родом.

— Деда, а какая у меня дорога? — неожиданно спросил Синкэн.

— Твоя дорога, — почесал затылок дед озадаченно. — Твоя дорога и есть твоя.

— Ну какая, она, скажи? — заулыбался маленький внук.

— Не положено знать наперед дорогу, — ответил Синкэну дед.

— И взрослым не положено?

— Взрослым тем более, — ответил дед Синкэна. — Только Синее Небо знает все наши дороги.

— А почему так? — продолжил спрашивать деда Синкэн.

— Потому что тайна это природная. Не даётся она человеку, чтобы путь его не менять. Узнает человек свою дорогу, — перестанет идти вперёд. Усядется на подстилку меховую, и будет сидеть, никуда не сдвинется, — он посмотрел

на внука и улыбнулся.

— А вообще, есть вещи в жизни, которые знают только особые люди. Они среди нас, среди северных людей, за порядком следят и хранят истину.

— Деда, а расскажи! — взволновался Синкэн.

Олени

— Давай я лучше про оленей тебе доскажу, — перевел разговор дед.

— Ну ладно, давай про оленей, — нехотя согласился Синкэн.

— Мы с тобой про чум разговаривали, так вот. Покрытие у чума — теплое, — из многих шкур оленьих сшитое: ни мороз его не проберет, ни жара, ни ветер пронизывающий. Одежда наша, и обувь, и подстилка твоя, и постель — всё это тоже из оленя.

— А ещё что, деда?

— Ещё пища наша — оленина: и кровь, и мясо, и потроха. Знаешь сколько всего вкусного можно приготовить? — Мммм..., — он прикрыл глаза от удовольствия. Потом открыл и посмотрел на огонь и на дым, поднимающиеся вверх. — Получается так, что олени для человека — всё!

— Деда, — а мы ещё, на них, ездим, — подсказал Синкэн.

— Правильно, — потрепал по голове, мальчугана, дед. — И не только ездим, но и грузы возим.

— А когда олень шкуру свою отдает, что мы делаем?

— Когда нам шкура нужна или мясо, — мы забиваем оленя. Но не как дикого, на охоте, а как домашнего, по-особому.

— Это как, деда?

— Молитву, прежде, говорим, — душу оленью Небу вы-

сокому передаём.

— А зачем? — спрашивал маленький Синкэн.

— Чтобы стадо наше росло, чтобы душа оленья сходила в небо, и потом маленьким оленёнком назад вернулась, — отвечал ему дед. — Иначе никак. Не бывает по-другому, у нас, — у северных пастухов.

Слушал деда Синкэн, запоминал его слова и истории. Как учил его тот, так он и старался делать. Доверял он своему деду, и ни в чем не перечил.

Раньше, когда Синкэн был совсем маленький, дед выстуригал деревянный нож.

— Смотри, как мужчины ножом работают, — и так же повторяй. Внимательно смотри. Делай точно, и не торопись.

Смотрел Синкэн на отца и на деда, и старался за ними повторять. Нож, у него деревянный, не режет совсем. Синкэн пилит им мясо, но мясо не пилится. Проверяет его от кости отделять, как дед и отец делают, но мясо не отделяется.

— Давай, давай, привыкай, тренируйся, — подбадривал его дед. — Не получается, — ничего страшного, — зато не порежешься.

И Синкэн принимался с новой силой пилить мясо своим деревянным ножом. Строил при этом смешные гримасы. Как будто маленький хищник скалил зубы, кривился от натуги. Тряс своей головой и махал руками если у него ничего не получалось. Иногда он злился и даже рычал тоненьким го-

лосом, но все равно не бросал занятие. Всё, потому что любимый дедушка поручил ему обучаться.

Привыкал Синкэн, тренировался, — с самых малых лет. Мама отрезала ему маленькие кусочки мяса с вареной кости. А он, набрасывался, как волчонок, и начинал всё пережёвывать своими, ещё не окрепшими зубами.

Дед подавал мозговую кость Синкэну, с жилами и хрящами. И тот принимался её мусолить, едва удерживая в руках. Потом Дед раскалывал кость, выстукивал из неё самое вкусное, и подавал внуку. Внук улыбался деду, и с радостью съедал всё, что тот ему подавал.

Вырастал Синкэн, вскормленный своей мамой и родным дедом. От матери он брал материнское тепло и любовь, а от деда силу и мудрость Родовых кочевых старейшин.

Человек возвращается

Питала Синкэна земля, по которой он ходил, насыщала Синкэна вода, что текла в ручьях и реках. Ветер — очищал его мысли от сомнений и грусти, а огонь — лечил его раны, и насыщал его не спокойный кочевой Дух.

— Деда, а человек возвращается в стадо, — как-то после очередного разговора спросил Синкэн.

— В смысле... — В какое стадо, — недоуменно спросил дед.

— Ну, помнишь, ты говорил, что олени в стадо возвращаются, когда мы шкуру у них берем и мясо. А человек когда умирает? ... — Он возвращается?

— Какие ты вопросы задаёшь, — удивился дед.

— Ну, скажи, ну скажи, — не унимался маленький Синкэн.

— Хорошо, расскажу. Я думаю, что так, и не так, — он погладил свою бороду. — Понимаешь, какая-то часть человека на земле со своими родными прощается, с каждым по отдельности. Запоминает весь этот земной мир и каждого человека с его историями. Потом она поднимается в небо, высоко, высоко, в самые облака. Там, в облаках, она своим предкам, ушедшими про всех, рассказывает. Если близкие люди помнят об ушедшем человеке, тогда эта частичка души

радуется, людям земным помогает.

— Деда, а как она помогает? — удивился Синкэн.

— Когда её просят, она в своем мире всё видит, и подсказывает человеку как из беды выпутаться. Иногда выход указывает. А бывает, что она другие души на помощь призывает.

— Деда, а другая часть?

— Другая часть человека — Тоже поднимается в небо, только высоко, высоко, — выше облаков. Там она очищается. От трудов земных отдыхает, с другими душами общается. И потом, когда она очистится и отдохнет, спустя время, возвращается на землю, к своим новым родителям. Маленьким ребёночком появляется на свет. Получается, что человек, как олень, — в своё стадо возвращается.

Синкэнов дед

Не свой человек, на Севере, — как глубокая пропасть. Хоть тихо ему скажи, хоть крикни громко — всё равно не ответит. А если и ответит, то только эхом твоим, отражённым.

Дед у Синкэна был крепким, с острым взглядом, как у серого сокола, что летает над тундрой и выслеживает добычу. Руки, его, были цепкими жилистыми, как лапы у барса, что прядется в снежных горах и неожиданно нападает на своего врага. Ноги были выносливыми как у волка, который живет в тайге и охотится на своей территории.

Мог дед Синкэна переносить тяжести, и ходить на большие расстояния. Одного его взгляда хватало, чтобы определить наперед погоду. — Не каждый кочевник на это способен, а он мог. Он видел птиц в небе, понимал их движения и их не простой, замысловатый язык.

Птицы — особые существа. Связаны, они, с синим высоким Небом, с призрачными бестелесными сущностями, которые сопровождают везде кочевников и их многочисленное стадо. Понимал их Синкэнов дед и мог с ними общаться.

Ещё, не однажды встречал он медведя в больших кочёвках. Бывало, что близко сталкивались: нос к носу почти, — как говорили люди. Но каждый раз расходились они своими

тропами. Медведь не нападал на человека, по какой-то причине. И человек не доставал ружье и не стрелял в зверя. Не пускал в ход свой острый нож и рогатину, как делали опытные охотники.

После такой встречи каждый получал свое: зверь лесной милость от человека получал, уважение, его, к дикой Природной силе. Человек получал в ответ благодарность от зверя, и ещё, связь незримую дикую. Навык новый звериный обретал человек, если он дружил с Природой, если не трогал детей её без большой надобности.

Многое знал дед Синкэна, — большую жизнь прожил, и всего насмотрелся. Чужих он сторонился, и не всегда шел на контакт. Зато со своими, разговаривал и делился опытом. Ещё, за родных он мог в глотку врагу вцепиться, и перегрызть собственными зубами. Разорвать любого собственными руками. Такая была натура, редкая у деда Синкэна, — преданная, звериная волчья.

Ножом он владел как своей рукой. А нож, у него, бриткий — легко в мякоть входит, и шкуру оленью четко снимает. И жилы перережет и кость перерубит. И все это, при стойком умении своего хозяина, годами отточенном охотничьем навыке. Сложно с таким человеком спорить, а особенно — дорогу ему переходить. Чего на уме у такого, — да поди, ж ты спроси? Оно и спрашивать бесполезно, потому как не скажет он, если сам того не захочет.

Свой человек и чужой

— В наших Северных широтах не много народу водится. Среди них, есть либо свои люди, либо чужие. Других людей не бывает на Севере, — говорил Синкэнов дед внуку.

Законы на Севере просто гласят:

— Своему человеку — помоги, не жди, когда помощи попросит. Предложи ему кров и пищу. Чужого человека провь сперва. Если помощи просит — помоги. Но не сближайся быстро — пусть он себя проявит.

От чужого человека не жди поддержки и помощи. Он, зачастую, как тень, — которая рядом. Что есть он, что его нет, — никакой разницы.

Свой же человек — поможет, — из беды тяжелой вызволит. Слово доброе, в трудное время, скажет. С ним, и на медведя, и на волка пойти не страшно. И сокровенным, с ним можно поделиться.

— Если новый человек появился рядом — не торопись, присмотрись: — что этот человек делает, прислушайся: — что он говорит. Посмотри, как дела у него со словами сходятся. Если сходятся дела с обещаниями, — то помечай в голове. Значится первую проверку он проходит. Можно даль-

ше проверять. А если не сходятся, — тогда и другой проверки не надо.

Его дела сами всё скажут», — так говорил дед, когда Синкэн был маленький.

Когда наступало время кочевков, Синкэна дед кочевал с другими кочевниками. Внимательно следил за стадом и за своими людьми. Будто оберегал их от разных напастей. Когда же кочевники делали большие остановки, он уходил на охоту. Иногда по нескольку дней пропадал. Потом возвращался и приносил добычу.

Маленькому Синкэну было на кого ровняться и с кого брать пример. А дед, его, в нем души не чаял. Хотя и не выказывал этого на людях. Таскал молодого внука с собой. Водил его на охоту, показывал, как охотиться на большого зверя, или на зайца с капканами, петлями. Или как силки ставить на птиц. На рыбалку водил, приучал Синкэна рыбу ловить: в каких местах и какой снастью показывал. Готовил внука к взрослой жизни. К самостоятельной, независимой от мамы с папой и от старших братьев и сестер.

— Ты когда взрослым станешь, семьей обзаведешься. Вся ответственность будет на тебе. Чтобы семья была накормлена и напоена, и стадо, чтоб в сохранности оставалось. Я тебе говорю — а ты запоминай и пользуй. А что не покажу, или не поймешь, если что, — тебя жизнь научит и путь твой, кочевой, по которому сам пойдешь. Дух у тебя крепкий, от

наших северных предков. Запомни это! А еще запомни:

Сила кочевника не в ружье его, или в кулаке. Сила кочевника — в его кочевой дороге, — в той земле, по которой он ходит, — в той воде, которую пьет. — В мыслях его свободных, — и в песнях звучных!

Когда Синкэн подросток, повзрослел, дед подарил ему настоящий нож. Хороший нож: и на охоте им хорошо орудовать, шкуру срезать, и за столом, мясо с кости снимать. Жало, у него, хоть и тупится, но и затачивается быстро. Достанет дед камень точильный из-за пазухи, поправит лезвие четкими движениями, и заново можно пользоваться. Ручка деревянная, удобная, хорошо в руку ложится. Правда, рука у Синкэна не то, что у деда, — маленькая еще. Неудобно ему большой нож держать, но это пока. Потом он привыкнет, когда руки его вырастут.

Ножны на поясе висят, а в них дедов нож «сидит», случая дожидается подходящего, когда можно оттуда выскочить и работу свою сделать. Гордился молодой Синкэн дедовским ножом, берег, лишний раз не вытаскивал без повода.

Так было принято у северных людей: нож всегда рядом, при себе, в ножнах на поясе. Но бывали ситуации, когда нож толкали за голенище. Как быстрее и удобнее. Разные бывали случаи...

История деда Синкэна

Дед у Синкэна не простой был человек, — Небом меченый. На шее у него пятно родимое, словно большое солнце с лучами. Подметили его старики, когда Синкэнов дед подростком бегал, присматриваться к нему стали. Местный Шаман хорошо относился к молодому деду Синкэна. Рядом с собой держал, про природу рассказывал, разным своим хитростям научал. А дед Синкэна и родителям своим помогал, и к Шаману ходил, по его, Шаманским делам и просьбам. Родители знали об этом, но никак не препятствовали.

— Если к Шаману ходит сын, — значит, так надо. Не научит Шаман плохому, — так они полагали. И поэтому отпускали деда Синкэна с легким сердцем.

Иногда, бывало, сами пользовались расположением Шамана. Просьбы просили, в чум приглашали к себе. И тот не отказывал в помощи. Находил время, детишек больных посмотреть, молитвы почитать, помочь пастухам с их бедами. Так складывалось: подрастал дед Синкэна. Из маленького несмышленного мальчика, в крепкого подростка, Силу свою природную набирал, практикам у Шамана учился. — Шаман же, родовой, старел с ним рядом, со спокойной душой. Потому как было, кому, дело свое передать.

И когда пришло время Родовому Шаману в гору пойти, к предкам своим, Родные тогда подумали, что Синкэна дед

станет за него.

Однако по-другому сложилось. Шаманом стал другой человек. А Синкэнов дед начал видеть, — события разные предсказывать. Ошибался сперва, говорил не то, что должно произойти. Не по тому пути людей посылал, не те направления указывал. Сердились на него люди, за это, — обидными словами называли. Пустым тетеревом или сорокой кликали. И постепенно, даже, перестали к нему обращаться. Не в почете стал ученик Шамана, — совсем не в почете.

Проходила Вечность. Солнце катилось от востока к западу, длинная зима сменялась короткой весной. Просыпалась Северная Природа, таяли ледники со снегом. Быстрой каплей мелкие ручейки стекали в реки, а реки холодными потоками стекали в большие озера. Кочевали люди со своим скотом. А Синкэнов дед всё учился посылы природные распознавать. Трактовать их правильно.

Наблюдал дед Синкэна во время кочевок и во время стоянок за оленями и собаками. Хищников видел не один раз. С охотниками кочевыми на охоту ходил. Рыбу ловил со своими соплеменниками. Ремесло пастушье постигал.

Начал понимать Синкэнов дед поведение животных лесных и степных. Их язык стал различать. Они, для него, близкими становились, порой даже ближе людей некоторых.

Пастухов других так не понимал Синкэнов дед, как оленей и собак, — как птиц лесных и животных диких.

Осторожнее он стал говорить людям об их будущем, и го-

раздо осмотрительнее.

Бывало, так предсказывал, попадал, — будто сам в тех событиях участвовал. Как охотник меткий в добычу стрелял. Старался изо всех сил Синкэнов дед, — оттачивал свои способности.

Получалось так, что через явления природные, через птиц и животных, лучше он стал понимать людей.

Вернул уважение к себе и доверие среди соплеменников.

Теперь ему другое имя дали — вместо тетерева глупого и сороки пустословной, стали кликать «Филином» — потому что филин — мудрый и прозорливый. Везде летает и всё видит. Редко голосом своим молвит, но все по делу. Стали кочевники, после того, к Синкэнова деду в чум захаживать, приглашать к себе, его, стали.

Люди разные жили вокруг. Одни добрые и веселые, другие злые и хмурые. Одни стремились стадо больше наростить, обеспечить себя и своих растущих детей. Другие довольствовались тем, что имели: что им день новый дал и что ночь у них забрала.

Однако Синкэнов дед не стремился к большому стаду, не набирал он, для себя, больше дичи в охоте. Но копил он знания, навыки свои, и природные хитрости.

Время снова ходило от одного горизонта к другому, сезоны природные не тянулись уже, как прежде. Они словно

прыгали, один за другим. То скакали, то хоровод водили. Полетело время для Синкэнова деда. Появилась семья у него, дети родились и повзрослели. А потом и внуки пошли.

Всё чего за жизнь свою накопил, все свои знания, и навыки от зверей и птиц, от природы местной, дед Синкэну передал, — своему молодому внуку.

Так он ему говорил:

«Ты, Синкэн, всё внимательно слушай и учись у меня. Когда мое время придет — я на Небо пойду. Ничего после себя не оставляю: ни чума, ни оленей и ни собак. Ни шкур оленьих и никакого инструмента. Но оставляю тебе знания и навыки, которые я за жизнь собрал, умения свои тебе передам. С ними, в любом месте начнешь и освоишься быстро. Долго с ними проживешь».

Синкэн молодой слушал деда, не перечил ему и делал, как он учил. — И получалось так, что только деда, своего, он слушал, а к остальным — по-другому относился.

Близким был дед, Синкэну по Духу и по родной крови. А сам Синкэн упрямым оказывался и непокорным. Ошибки свои делал, через чужие правила переступал, и через запреты. Дорогу пытался найти, жизнь свою — через другие жизни построить.

Говорил ему дед, пока рядом был:

— У человека всё можно отнять: и чум его, и оленей с собаками, и ружье с патронами, и даже нож. Только навыки у него никто не отнимет, потому что невидимые, они, для других людей. Потому, что руки — своё ремесло помнят, ноги — дорогу знают, а голова, человека, — помнит старые знания и родные истории.

— Ты учись у меня, и у других людей. Будь гибким в общении, не всегда свой характер показывай. Потому что гибкий ум и доброе слово, лучше любого кулака работают.

Еще говорил дед Синкэну:

— Каждый замок — только своим ключом отворяется, каждая дверь — только в свое жилище ведет. Но слово человеческое, может любой замок открыть. Через двери, в душе человека, — в самое сердце к нему попасть.

И Синкэн внимал к словам деда. Старался запомнить. Хотя не всё у него получалось и не всегда. Но потом, получив свои ошибки, Синкэн возвращался к дедову наущениям, вспоминал их, и исправлял то, что можно было исправить.

В другой раз, повторял дед Синкэну:

— Пользуй то, что я говорю, чтобы хороший навык иметь. Иначе не будет навыка, если знание не использовать. Иначе знание не живое, — пустое оно получается.

Как-то учил дед Синкэна как нарты правильно собирать. Тот, по неопытности, посетовал, что сложно очень, что не сможет, он, повторить без деда. На что дед ему отвечал:

— Сани, Синкэн, — это не самое сложное в жизни. Их можно изготовить, а если сломаются, то починить.

— А что, тогда сложное, — может ружье? — спрашивал внук.

— Ружье посложнее будет, да, — но и оно не самое...

— А что будет самое...? Может небо, или солнце? — никак не унимался Синкэн.

— Пожалуй. И небо, и солнце, на порядок сложнее ружья и саней кочевых. Не сделает, их, человек никак. Однако есть вещи сложнее, чем небо и солнце.

— А что тогда? — удивлялся Синкэн.

— Человек сложнее, душа, его, вместе взятые! — отвечал дед.

— Почему?

— Потому, что человек, на земле, подобный Богу. Чего он захочет, — то и мыслит. Куда задумает — туда и идет. Глазами всё видит. Умом — образы рисует, — отвечал дед внуку.

— Ушами слышит и носом нюхает, — смеялся молодой

Синкэн.

— Правильно говоришь, — продолжал дед, не обращая внимания на колкости внука. — Ты прислушивайся ко всему и приглядывайся. Любые ответы на вопросы ты в себе найдешь. Выводы для себя сделаешь.

— Как это? — не понимал молодой Синкэн.

— Когда сложно всё и тревожно, — выходи из чума, по тундре ногами пройдишь, за небом посмотри и за солнцем. Если птицы рядом или звери, они тоже тебе помогут.

— Чем помогут? — спросил Синкэн.

— Солнце путь тебе осветит, и тело согреет, — ответил дед.

— А небо?

— Небо, — ветром, своим, душу твою очистит. От пыли дорожной, от забот и сомнений.

— Тогда птицы и звери зачем? Есть же олени с собаками, я на них могу посмотреть, — сказал Синкэн деду.

— Посмотреть на них можешь, и даже, поймешь кое-что. Но не всё.

— Почему?

— Потому, что собаки с оленями — рядом с людьми живут и от людей зависят. А лесные звери и птицы — не зависимы. Они и ведут себя по-другому, — по-особому. Потому-то и надо общаться с птицами и со зверями дикими, чтобы их понимать, а через них самую Природу. И потом, через понимание природное, ты и с людьми станешь лучше ладить,

видеть начнешь их слабости и порывы.

С этим, силу свою почувствуешь. Легко тогда будет посреди людей жить, потому что они у тебя, как на ладони окажутся, — насквозь видимые. И никто из них так не сможет как ты...

— А если человек заболит, — я смогу увидеть? — спросил Синкэн.

— Сможешь, конечно, только практика потребуется. Наблюдай, как я делаю, когда люди приходят, и за мной повторяй, — дед остановился и посмотрел на Синкэна.

— И ничего в этом мудреного нет. Чем больше делаешь, — тем больше понимаешь, — продолжил дед.

— Дед, а скажи: — так как ты, — многие умеют? — спрашивал Синкэн.

— Так как я — нет. Но каждый по-своему, — отвечал Синкэну. — У каждого человека есть свой дар, от природы. — Только не все этим даром пользуются.

— И у меня тоже есть дар? — удивлялся Синкэн.

— И у тебя. Он в твоих корнях, в том, что ты здесь родился, на Севере, в тундре, у твоего отца с матерью. А отец твой родился у нас с бабушкой, а я родился у своих родителей. Понимаешь? — вопрошал Дед у внука.

— Понимаю, но не совсем, — отвечал ему внук.

— В тебе есть всё, что было до тебя. Я, и мои родители, которых уже нет на земле. Твои мама с папой, тоже есть в тебе!

— Как это? — удивлялся Синкэн.

— Всё самое лучшее в твоей внешности и в твоём характере, — в твоём сильном духе! — Всё от нас. — Бери, только, пользуйся, — дед окинул взглядом чум, словно ожидал чьего-то невидимого одобрения.

— Дед, а как этим пользоваться, как узнать, что лучшее есть у меня? — спрашивал Синкэн.

На это дед ему так отвечал:

— Когда ты сам себе вопрос задаешь, — всё равно, что к предкам приходишь, советуешься. Главное слушай. Предков у тебя много, и говорят они каждый своё. А чтобы ты не оглох от их разговоров, чтобы понял, что правильно, — тебе голоса, интуицией тихой приходят, и видениями ночными. Научись различать голоса предков, научись интуицией пользоваться. Она не подводит никогда, и она есть у многих, просто люди не умеют ей пользоваться.

— Дед, а к тебе, если, люди приходят и про сны рассказывают, ты можешь понять, что будет дальше?

— Иногда могу, иногда нет.

— Что это значит?

— Это значит, что люди разные. Кто-то открытый, а кто-то нет. Одному человеку могу судьбу его рассказать, и кем был и кем будет. А другому совсем не могу. Он как будто стеной закрытый. Пришел ко мне за советом и со своей прось-

бой, но закрытый совсем, словно спрятанный.

— И часто так бывает, — спрашивал молодой Синкэн

— Бывает, да... Я ведь не Создатель, — могу ошибаться, или не так понимать. Это Создатель всех видит и всё понимает. Но человек не такой. Да и не надо этого. Главное — за собой следить. Путь выбирать свой и дороги своей придерживаться.

— Дед, а как это, через зверей и птиц, людей понимать? — неожиданно спросил Синкэн. Никак не отпускали его мысли.

— Думаю вот как. Когда ты следишь за лесными животными и за птицами, ты сильнее к природе привязываешься. Отступаешь тогда от людской повседневности. Ты, тогда, сам будто зверем становишься. А раз так, люди, для тебя, по-особому видятся. Настороженный ты в отношении людей. Запомни это чувство, сохрани его. Стань настороженным зверем. Начни понимать других по-звериному.

— Как это? — спросил деда Синкэн.

— У зверя есть два мерил в жизни: — свой и чужой. Своих нужно беречь, а от чужих отбиваться. Это просто понять по-звериному, но по-человечьи — не просто.

— А зачем это надо?

— *Надо, — ответил дед. — Хочешь от других отделиться своим уникальным даром? — Отделяйся, — становись не таким как все. Начинай слышать то, чего люди не слы-*

шат. — По-новому, по-звериному. Видеть начинай по-новому. Мыслить, как зверь начинай. И помни, — у зверя есть только друг или враг, — третьего нет!

— Но как? Как я пойму, кто мне друг, а кто враг? — спрашивал деда Синкэн.

— Поймёшь, никуда не денешься. Жизнь заставит понимать, — отвечал тот.

Пробовал Синкэн осознать эту истину, однако, пока дед был жив, так и не осознал...

Глава 2. Родина моя...

*Родина — это родная деревня,
Ферма с коровами и лошадьми,
Медпункт, магазин, башня напорная,
Мастерская колхозная, с тракторами.*

*Резной палисадник и дом деревянный,
С шиферной крышей, с кирпичной трубой.
Старая стайка, стог сена в ограде,
Соседи приветливые, — говор простой.*

*Родина — это наш люд трудовой:
Хлебороб и печник, пекарь и плотник,
Сварщик, кузнец, повар и слесарь,
Шофёр, энергетик, охотник, лесник,
Доярка и токарь, продавец и аптекарь,*

*Животновод и сантехник, агроном, зоотехник,
Тракторист, комбайнер, и школьный учитель.
Пастух, инженер, фуражир и бетонщик,
Воспитатель детей, почтальон и строитель.*

*Все эти люди, — все это наше,
Все чтобы Родина лучшая была и краше!*

*Родина — запах свежего хлеба,
Что бабушка в печке с любовью пекла.
Дедова сказка про поле и степи,
Что в его жизни — рекою текла.*

*Вот моя школа родная в деревне,
Звонки, перемены и школьный спортзал,
Строгий классный учитель, — он первый,
Понятие «Родина» нам преподал.*

*Родина — это дремучие ели,
Шишки в лесу и кедровые вековой,
На окраине быстрая горная речка,
Где все мы купались еще детворой.*

*Прозрачный кусочек чистого неба,
Края и стихии природы родной,
Дым облаков, что садятся на землю,
Сверху спадая осенней листвою.*

*Дождик и ветер, солнце и штили,
Степные равнины, леса и поля,
Яркие звезды в облачной пыли,
Тобой восхищаюсь — Родина моя!*

(Родина моя!)

Душа Природы

Душа у Природы есть везде. И в далекой жаркой, под палящими лучами солнца, пустыне; в её дюнах и бесконечных, насколько хватает взгляда, песках. И в саваннах и редколесьях, с жарким засушливым климатом, который сменяют продолжительные сезоны ливневых дождей. Есть Душа у Природы в тропическом, и в умеренном поясах, пригодных для проживания многочисленных видов растений и животных. Есть Душа у Природы и в северных и полярных районах. В тех суровых местах, где и жизни то кажется, никакой не может быть. Везде есть незримый разум и глас, который управляет течением времени и жизни на нашей земле. Горы и реки, океаны и равнины, леса и степи, чистое синее небо, — все это создано Единым Духом, Единым Разумом, чьим созданием и является человек. Человек, что расселился по всем территориям, по всем уголкам нашей прекрасной планеты. Слышит Планета вибрации Далекой Вселенной. Своими вибрациями живет наша Земля. Под её циклы и вибрации настроена жизнь человека и жизни всех живых существ на Земле.

Сколько жив человек на свете, столько жива его память. Память о своих прародителях, о своём родном месте. Память о детстве и юности, и о зрелых годах. Её, — свою память, передаёт человек детям и внукам. Её же, вместе с жизнен-

ным опытом, он понесёт далеко, воспарив однажды в высокое Небо, туда, откуда он вышел однажды. Туда, где и есть наш первый дом и наши первые, не земные родители.

Природа-Мать бережёт детей своих, даёт им свет, и тепло, воду прозрачную чистую для питья, растения и животных для пропитания. Всего нам Природа даёт вдоволь. И где бы человек не находился, куда бы он не шёл, везде для него найдется питье и пища. Везде для него будет кров земной.

А раз это так, значит, должно нам — людям сохранять Природу, заботиться, о ней, как о Матери своей. Везде быть как дома, в порядке свой дом содержать. Брать для себя от Природы немного, лишь по потребности, по острой необходимости. Не забывать о своих природных родителях, что подарили нам эту жизнь на земле!

Душа у Природы незрима для нас. Она всегда рядом и всегда близко. Глаза её вездесущие, они всё видят, а слух у неё очень тонкий, все наши мысли сразу читает. Сердце, её, материнское чувствует нас. Защищает материнское сердце детей, от напастей разных их бережёт.

Люди особые

*Везде на земле есть особые люди.
Люди, которые для Природы созданы.
Они, с ней, одним началом связаны,
И за неё, за Природу, они стоят.*

*Сохраняют такие люди традиции,
У своих отцов и дедов учатся,
Памятью предков своих живут.
Учат людей молодых прежним истинам.*

*Есть, у народа, светлые люди,
Те, что истину носят другим.
Те, что стоят на ней крепко,
Куда бы судьба и дорога их не вела.*

*О таких сильных людях истории складывают,
О таких людях песни поют.*

*Есть у Природы дети достойные,
Есть у детей тех свои сыновья.
Памятью предков живы дороги в Природе.*

Памятью предков живы Природы пути.

Есть на Земле люди особые.

Люди, которые для Природы созданы.

Они, с ней, одним началом связаны,

Они за неё, — за Природу стоят!

Хашханык, зутран, урмэ и орёмог

Однажды, Степан с Оюной пришли к Милхаю в гости. За чаем они разговорились. Оюна спросила: — А скажите, какие, у нас, блюда есть особенные.

— Ну, так ты же в бурятской семье выросла! — ответил ей Милхай. — У тебя же мама кушать готовит. — Ты вспомни...

— Я помню саламат, бухлер, буузы, зутран...

— Правильно, зутран — это наш чай подтвердил Милхай.

— А еще что? — уточнилась невестка.

— Еще колбаса кровяная, — бабушка её варила, — помнишь, когда мы коня кололи, — ответил Милхай.

— Помню, — сказала Оюна. — А еще.

— Ещё хашханык, — добавила Янжима, супруга Милхая.

— Хошхоног, — поправил её Милхай.

— А что это? — удивилась Оюна.

— Так я же делала, ты просто забыла. Это блюдо из прямой кишки, — ответила Янжима.

— А готовить, её, как? — спросила Оюна.

— Лучше один раз показать, чем рассказывать. Но если ты не торопишься...

— Пожалуйста, расскажите!

— Это несложно. Берешь прямую кишку, баранью или конскую, чистишь, ее, моешь, выворачиваешь наружу. Сна-

ружи тоже прочищаешь. Потом замачиваешь в воде на сутки.

— И все?

— Нет, не все. — Воду, в течение суток, несколько раз меняешь.

— И потом?

— Потом, после хорошей промывки, добавляешь туда соли и перца, и варишь. Когда сварится, нарезаешь на кусочки, и можно на стол подавать с зеленью и с горячим чаем с молоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.